

Я люблюсь бабочкой, её волшебными переливами, перламутром, тончайшим стоцветным орнаментом, рисунком крыльев, похожих на алебарду, чутким пушистым тельцем и чуть слышным запахом мёда, который источает бабочка, посидевшая на цветке. И приходит благоговейная мысль: "Как же велик и искусен Творец, сотворивший это диво, и другое, ему подобное, и третье — весь сон этих божественных, летающих над цветущим лугом созданий".

Когда рассматриваешь луговые цветы, этот спящий блеск летнего луга — колокольчики, ромашки, полевые горшки, пастушья сумка, заячья лапка, тысячелетник, белые и розовые кашки — поражается, какое разнообразие, какое несметное множество, как неутомим Творец, который создал все эти цветы и посадил их на русский цветущий луг.

А листья растений? Волнообразный дубовый лист, украшавший венок победителя; зубчатый лист клёна, ставший гербом государства; неповторимые листья берёзы, липы, рябины, орешника, жимолости... А иголки сосны, ели, можжевельника — и здесь Творец, его творчество, его волшебные труды, сотворившие эти неповторимые изделия природы.

Природа — мастерская Бога. Но с появлением человека Господь поручил ему часть своих работ. Наделил его навыками, умениями и великой потребностью и необходимостью трудиться. В этих трудах человек, подобный Господу, сотворяет рукотворную природу.

РЕЛИГИЯ ТРУДА

Я наблюдаю трудовые процессы, и в каждом из них — чьи-то божественные, полученные от Бога, задания. Человеческие труды — труды божественные, труды прекрасные. Великолепные бурильщики на стальной буровой в бураны, в снегопады, в ливни, среди ревущих моторов, брызг масла погружают в толщу земли щуп, словно вращают земную ось.

Сварщик трубопроводов, соединяющий гигантские трубы. Огненная звезда его сварочного аппарата стыкует не просто цилиндры труб, она стыкует страны, континенты, цивилизации. Он сварщик Господа Бога.

Шахтёр, под землёй управляющий каменноугольным комбайном. Чёрное, блестящее от пота лицо, яркие белки глаз, белые зубы. Стальные фрезы комбайна режут пласт, хрустят кристаллы угля, щелки окаменелых деревьев, крылья гигантских, живших в папоротниках и хвощах стрекоз.

Комбайнёр, поздней осенью собирающий не успевший дозреть урожай. Среди дождей, мокрых снегов, первых морозов. Чёрное измождённое лицо, глаза, небритый кадык. Его мокрые одежды превращаются в ледяной сверкающий панцирь. И полю нет конца. Нет конца снегопаду и ливням, поваленным на землю колосьям. В вечных трудах добываем мы хлеб свой.

Хирург, под сверкающим солнцем хирургической люстры проникающий скальпелем в глубь человеческой плоти. Слой за слоем, сосуд за сосудом, надрез за надрезом. Раззята человеческая грудь. Отключено дыхание — его заменяют искусственные лёгкие. Отключены сосуды аорты — искусственное сердце гоняет кровь. В кристалльном сосуде пугаются живая кровь. И вот оно, сердце — раненое, изъеденное хворьями. И хирург осторожным пальцем поддевает его, извлекает из груди и держит на весу. Иссекает из него тромб. Происходит ремонт сердца. Отремонтированное, исцелённое, оно вновь погружается в грудь. К нему подключаются аорты и вены. Лёгкие начинают дышать. И хирург в маске — видны только одни глаза — утомлённый, совершив богоподобное деяние, отходит от операционного стола.

Монах в ночном храме. Сумрак. Две печальные лампы, две горящие свечи. Монах молится всю ночь напролёт. Молит Господа о сбережении рода людского, о сбережении младенцев во чреве матерей, об укреплении правителей, об укреплении гордыни в сердцах. Молится о ненаглядной предвечной России, своей молитвой сберегая её от напастей, развешивая над ней непроницаемый для зла покров благодати. Велик труд молитвенника, стерегущего наш сон, благоденствие наших семей, процветание нашего Отечества.

Как я любил наблюдать эти труды, любил труждающихся, любил описывать эти труды, угадывая в них нечто большее, чем человеческое дерзание, угадывая в них божественное.

Советский Союз не верил в Бога. Советский человек не мог прийти в храм, поднять лицо и увидеть в высоком куполе грозного Творца мира, Пантократора, правящего мирозданием. Он, Пантократор, был Владыкой мира, Владыкой человеческих судеб. Но советскому человеку, слушавшему революционные песни, внушалось: "Владыкой мира будет труд". Труд становился "владыкой мира". Труд находился в центре мироздания. Труд был божеством. В Советском Союзе труд обожествлялся. Царила религия труда. Советский Союз был государством мечты, верил в бриллиантовый коммунизм, справедливое, гармоничное общество, подобное Царствию Небесному. Советский Союз хотел превратиться в Царствие Небесное, и это превращение добывалось великими трудами.

Я, молодой писатель, жадно и неутомимо ездил по стройкам, наблюдал грандиозные труды, в которые был погружён народ, сотворяющий цивилизацию, приближавший эту цивилизацию к совершенству, приближавший её к Царствию Небесному.

Вместе с караваном сухогрузов я плыл по Оби на север. И на этих сухогрузах в разобранном виде плыли целые города. Корабли причаливали к дикому берегу, на них погружались бульдозеры, самосвалы, связи труб, бесчётное количество вагончиков, разобранные буровые. Всё это начинало жить, кипеть на берегу, в хаосе, неразберихе: вагончик бурильщиков, вагончик транспортников, вагончик электриков, вагончик нефтяников.

Идёшь от вагончика к вагончику и по колено проваливаешься в грязь. Месиво земли, нефти, машинной гари, человеческой ругани, огней, пёстрых флагов, торжественных митингов. Теперь на месте этого столпотворения по берегу Оби стоят чудесные города. Сургут с его жилыми кварталами, школами, храмом, театром. Сургут, продаваемый свежим и чистым воздухом с реки. Иду по Сургуту и кланяюсь тому бульдозеристу, что вёл свой бульдозер сквозь непролазную топь. Здесь сегодня сверкают окнами нарядный проспект.

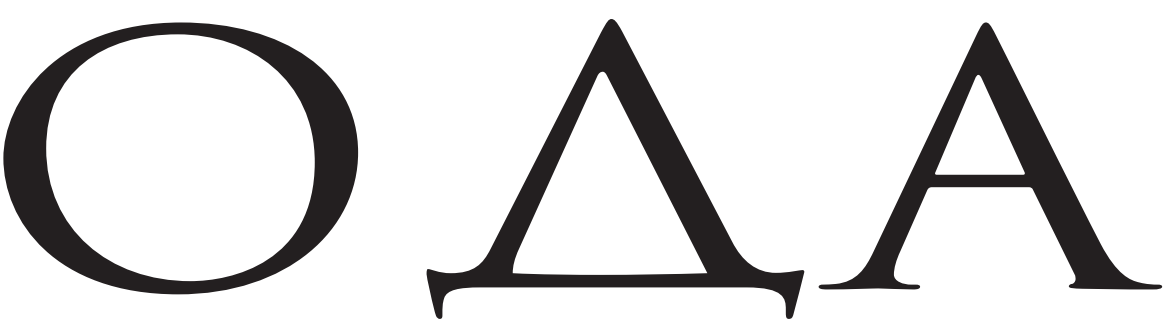
Я видел, как начинается целина. Первые урожаи были столь ошеломляющие велики, что люди не умели их собрать, сохранить. Целинные дороги были золотыми от просыпанного зерна, и грузовики буксовали в рассыпанной пшенице. Комбайнёры подгоняли свои красные самоходные комбайны к необъятной золотой ниве. На жатву их провожали пионеры. Звучали пионерский горн, барабаны. Комбайнёры были нарядные, в белых рубашках.

Жатва касалась хлебного поля. По нему огромной бесконечной волной уходило вдаль это прикосновение. Комбайны, как красные корабли, шли один за другим по полю. Эта картина была восхитительной, в ней была мистика урожая, мистика жатвы, когда человек пожинает плоды своих необъятных трудов, а в награду получает хлеб насущный, золотой каравай.

Я видел, как строится Калининская атомная станция в Удомле. Среди полей, лесов, посёлков, старинных помещичьих усадеб возводилась гигантская станция. Меня завораживали ежедневные планёрки, летучки, на которых собирались инженеры, конструкторы, монтажники и обговаривали каждый стык, каждый болт, каждую гайку, каждый конструктор, слетающий в невероятной стальной орнаменте, в котором начинали двигаться краны, вращающиеся моторы. Среди чёрного металла вдруг появлялся драгоценный сияющий слиток — реактор, и в него вживлялись наполненные ураном ТВЭЛы, и атомная станция являла собой диво, собранное из множества крупки, частичек, металлических сфер, драгоценных приборов, человеческих дыханий, озарений. Являла людей, в великом братстве сошедшихся в одно место, чтобы сотворить это русское чудо.

На берегу Каспийского моря, в Шевченко, я видел, как возникает город будущего. Из солнечных лёгких песчаников строятся чудесные дома. На кромке моря и суши ставится электростанция, атомный реактор на быстрых нейтронах. Рядом опреснитель солёной каспийской воды, похожий на поднебесного, закованного в сияющие доспехи рыцаря. Опреснённая вода из Каспия мчалась по трубопроводам в пустыню Мангышлак и орошала чудесный город. Мы сажали в этом городе сады, бурили лунки в каменистой породе, закладывали в эти лунки заряды, взрывали и насыпали в образовавшиеся воронки привезённый с большой земли чернозём, влажную сочную землю, в которой извивался розовый дождевой червь. Вживляли в эту землю саженцы японцы, груши, подводили к каждой трубочки с поливальной водой. Мы, садоводы, перегреты на жаре, пили студёную воду из медной чаши, передавая её друг другу, а потом поливали из этой чаши саженцы. Пили мы, люди, пили деревья, пил город. Среди мёртвой пустыни расцветали сады — райские сады Мангышлака.

Я видел, как начинается Транс-Сибирской, приходили составы. Здесь загружались техника, люди, рельсы, шпалы. Я шёл с солдатами инженерных войск через заросли. Солдаты бензопилами, топорами прорубали просеки. А потом бульдозеры корчевали пни, сдвигали в сторо-

ну коряги и корни. Я помню сопки, розовый цветущий багульник. Помню чудесные молодые лица рабочих, которые каждое утро садились на дрезину и уезжали на трассу, где клались первые шпалы, вбивались первые костыли. И страна с волнением и обожанием следила, как движутся навстречу друг другу два луча: один от Байкала, другой от Тихого океана. Они наконец сближаются, смыкаются, и на их стыке возникает серебряная вспышка. Ударники вгоняют в шпалу серебряный костыль.

В Тобольске я видел рождение комбината, когда в тайге прорубали коридоры и клали на трассу первые бетонные плиты, и "Катерпиллеры" резали своими ножами таёжный грунт, и рыжие "Татры" мчались по трассе. Одна из них столкнулась с лосем, и убитый лось лежал на бетонной плите, открыв свой мигающий сиреневый плаз.

Старинный Тобольск с чёрными стародавними срубами, среди которых белели восхитительные церкви, с тревогой слушал гул моторов, с недоверием смотрел на молодых, энергичных пришельцев, строивших рядом со старым новым город. И теперь все, кто приезжает в Тобольск, любят его белыми церквями, старинными палатами, кремлёвскими стенами, видят этот волшебный комбинат, свитый из серебряных конструкций, труб, реакторов, цилиндров, конусов, сфер. И ночной подлетающий к Тобольску самолёт видит с неба комбинат, похожий на громадную плащаницу, расшитую бриллиантами и жемчугами.

Я видел, как сотворяется советская цивилизация. Видел, в каких трудах созидается на земле Царствие Небесное. И смысл всех земных трудов, будь то труд сборщика на автомобильном конвейере или златошвей, вышивающей золотом по алому бархату, — все эти труды приближали нас к Царствию Небесному, были трудами священными. И мы, жившие в Советском Союзе, исповедовали религию труда.

У этой религии были свои религиозные праздники: День шахтёра, День металлурга, День колхозника, День учёного, День машиностроителя, День танкиста, День авиатора... И исповедники справляли эти праздники. Были митинги, шествия, концерты, выезды на природу, совместные трапезы.

У этой религии были свои иконы: каменные изваяния, скульптуры, которыми мы украшали фронтоны Домов культуры, аллеи парков, площади городов. Шахтёр с отбойным молотком на плече, колхозница, прижимающая к груди сон пшеницы, учёный в профессорской шапочке и с фоллиантом в руках, сталева в каске, лётчик в комбинезоне и в шлеме, солдат со штыком и винтовкой.

У этой религии был свой храм — ВДНХ, Выставка достижений народного хозяйства: фантастические сталинские павильоны, построенные архитекторами, насмотревшимися на старинные фрески, где изображается Царствие Небесное. И вся выставка, окружённая цветущими садами, казалась земным подобием небесных чертогов. Фонтан "Каменный цветок" добавлял сказочности в этот неповторимый ансамбль. А фонтан "Дружба народов"? Эти золотые прекрасные боги были душами, населяющими рай праведников.

У этой религии были свои псалмы, песнопения. Двоеенные сталинские марши, поражающие своей энергией, радостью, неодолимым стремлением ввысь. "Марш энтузиастов": "Страна мечтателей, страна героев". Ведь труд есть дело чести, дело доблести, героизма, славы. "Марш авиаторов", которым человек устремляется не просто в небо, не просто в стратосферу, а туда, на седьмое русское небо, где сверкает дивный бриллиантовый коммунизм. А как восхитительны песни Пахмутовой! Под эти песни строились великие плотины, осваивалась целина, возникали города в Заполярье: "Надежда — мой комачок земной", "Под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги", "На встречу утренней заре по Ангаре, по Ангаре".

У этой религии есть свои святые места. Недалеко от Сургута, где раньше было озеро Самотлор, забил гигантский фонтан нефти. И на этой нефти Самотлора, нефти Западной Сибири расцвёл целый период советской цивилизации. Строились новые города, университеты, гарнизоны. Создавалось новое оружие, делались новые научные открытия. И теперь в том месте, где забил волшебный фонтан, из земли на поверхность выходит короткий обрезок трубы с заржавевшим вентилем. Трубы, в которой нет того ревущего фонтана, нет сотрясения и дрожания земли. Он тих, скромн, почти незаметен. А ведь это святое место! Быть может, не менее святое, чем святые русские поля: Куликово, Бородино, Прохоровка. Здесь тоже было великое нефтяное поле России, рождавшее героев и праведников.

Человек труда. Какое глубокое, ёмкое, прекрасное словосочетание! Человек труда — это стоик, это мудрец, это неутомимый созидатель, это кормилец, это защитник, это отец семейства, это сын Отечества. Он наделён высшими человеческими качествами. Он знает, что такое братство, товарищество, само-

пожертвование, подвиг. Он извед высшее наслаждение — наслаждение творческим трудом, которое уподобят труду Господа, сотворившего мир.

Посмотрите на лица всех героев России: Стаханова, Курчатова, Александра Матросова, Жукова, Гагарина, монтажника на "Уралвагонзаводе", строящего танки для СВО, танцовщицы, в белоснежном наряде танцующей в опере "Хождение в огонь". Все это люди труда, угодники, они угодны Богу.

Среди икон, прославляющих божественный труд, есть одна несравненная — это скульптура Мухиной "Рабочий и колхозница". Два прекрасных молодых человека, мужчина и женщина, из нержавеющей стали, сверкающие на солнце, в развеваемых ветром одеяниях, воздели к небу руки, сжимают серп и молот. Это Адам и Ева, проделавшие бесконечный земной труд, в неусыпных трудах построившие Царствие Небесное, летящие в него на своих серебряных крыльях, показывающие Господу орудия труда, коими они созидали этот земной рай. Не на этот ли памятник глядел великий русский композитор Свиридов, когда писал свой победный райский псалом "Время, вперёд!"?

КАКОФОНΙΑ РЫНКА

Я окончил Московский авиационный институт. По окончании я работал в НИИ, создававшим противотанковые ракеты. Я любил технику. Я её понимал. Я ею любовался, находя в ней удивительную красоту. В моих романах я описывал технику как живое существо. Я наделял её душой. Я написал рассказ о самоходном комбайне, который был личностью почти человеческой. Он думал, любил, страдал, дышал, горевал, боялся смерти. Это требовало особой эстетики, особого рода красоты. Русская литература не умела писать технику, она её боялась. Она великолепно писала природу, удивительно тонко и неповторимо — человеческую психологию, крестьянскую избу, помещичью усадьбу, величие Петербурга, неповторимость Москвы. Но она боялась техники, видела в ней нечто враждебное, чудовищное, а не человеческое. Я же одухотворял технику, поселял в ней мою душу.

Идеал мой, на котором создавался Советский Союз, — бриллиантовый коммунизм — был высокодуховным, божественным. Этот возвышенный идеал одухотворял все труды, направленные на его достижение. Он одухотворял советскую техносферу, наполнял сотворение советской цивилизации божественным содержанием.

Идеал бриллиантового коммунизма стал меркнуть, таять, испаряться. Вместо восхитительной фрески, начертанной на стене храма, появились её упрощённые копии, её насхлеп намалёванные контуры. А потом её начисто смыло дождями перестройки, и бриллиантовый идеал коммунизма канул в вечность. И труд утратил своё духовное наполнение. Из машины излетел дух, и она стала бездуховной, жестокой, безумной. Она вышла из-под контроля, стала бедой, крошечным адом.

Катастрофа Чернобыля — это пример разбесившения машины, пример взбесившейся техносферы, из которой излетел идеал, которую покинул божественный дух. Я был в Чернобыле через две недели после аварии и видел весь ужас взбесившейся техносферы. Я летал на вертолёте над взорванным четвёртым энергоблоком и видел, как подо мной разверзлась адская бездна, из неё исходили думы, в ней тлели радиоактивные угли. Шахтёры пробивали штольню под основание четвёртого блока, потому что раскалённый ядерный уголь прожигал бетонное основание, опускался вниз и грозил чудовищным взрывом всплывших грунтовых вод.

Я стоял под четвёртым блоком, подняв руки, упираясь в бетонную плиту, и мне казалось, что я, как кариатида, держу на руках этот жуткий кипящий котёл. С войсками химзащиты я участвовал в консервации соседнего третьего блока. Я видел, как солдаты опромётно бросаются в заражённые зоны и возвращаются оттуда через несколько минут, получают боевую дозу облучения. Чернобыль — это репетиция Страшного суда, когда бездуховное, творящее беззаконие человечество настигнет кара Господня.

Советский Союз был побеждён и разгромлен. Противник, уничтожавший Советский Союз, уничтожил возвышенную идею, во имя которой было создано Советское государство, уничтожил идеал бриллиантового коммунизма. Он уничтожил все деяния, все труды, ведущие к достижению этого идеала. Он разрушал великую советскую технологию, уничтожил заводы. Уничтожил целые отрасли: исчезло станкостроение, исчезли шарикоподшипники, исчезла драгоценная элементная база, исчез гражданский авиатром, был начисто разрушен автотром, были уничтожены тысячи и тысячи больших и малых предприятий, создававших уникальную продукцию, которая делала Советский Союз самодостаточным, суверенным. В крупных городах существовали десятки предприятий, и все они убавались. Оставалось одно-два. Завывались городообразующие заво-

ды. Города были обречены на вымирание. Расхищались и истреблялись великие советские технологии. Народу оставляли первобытные ремёсла.

Трагична судьба великого завода "Севмаш", строившего подводные лодки, которые наводняли мировой океан и всплывали то у Флориды, то у мыса Горн, то во льдах под полярной шапкой. На завод приехали Ельцин и Гайдар, исследовали уникальное производство и сочли его ненужным для государства, у которого больше нет противника. И завод отключили от финансирования, рабочие разбежались, инженеры ушли в мелкий бизнес. Семьи оставшихся голодали, рабочие приехали на завод своих детей, и те питаются в заводских столовых. Присланные из Америки гигантские гильотины рубили подводные лодки, уже готовые к плаванию. Это была страшная казнь, и морские офицеры не выдерживали её и кончали с собой. Только великий подвиг директора завода Пашаева сохранил производство. Рабочие прятали оборудование, прятали листы стали, прятали технологии. Претерпевали, голодали, но сберегли завод.

На космодроме "Байконур" я видел, как уходила в небо могучая ракета "Энергия" и как с неё сорвалась волшебная бабочка — космический корабль "Буран". Он облетел Землю и вернулся. И народ ликова, встречал этого космического странника, принёсшего на Землю весть из небесного Рая. Заводы, создававшие великую "Энергию" и сверхсложный "Буран", оказались на грани закрытия. На них производили однозачные шприцы и канцелярские заклёпки. А недостроенные "Бураны", как скелеты динозавров, стояли в опустелых цехах.

Народ, в течение нескольких поколений совершавший великую работу по сотворению нового мира и нового человечества, вдруг оказался безработным. У него отняли работу. Его руки не находили орудий труда. Его ум не находил возвышенных целей, во имя которых совершаются открытия. Миллионы рабочих, создававших уникальную технику, оставили свои станки и пошли в автосервисы ремонтировать поломанные иномарки. Учёные, создававшие вакцины, электронные вычислительные машины, головоломные программы, устремились за границу и наполнили Силиконовую долину, где возникла техносфера XXI века.

Идеал священного труда сменился идеалом рынка. Религия труда сменилась религией рынка. Продавать, торговать, устраивать сделки, богатеть, становиться владельцем дворцов, самолётов, роскошных яхт, самым богатым, самым нарядным, самым успешным, самым величавым — всё это ворвалось в народное самосознание, которое жило общинными ценностями, формировалось в артелях, в батальонах, в огромных трудовых коллективах. Молодой человек больше не хотел стать космонавтом, лётчиком, офицером, капитаном дальнего плавания, геологом. Он хотел стать адвокатом, экономистом, маркетологом, брокером. Религия рынка, религия денег, религия купли-продажи, религия золотого тельца, религия мамоны, которая отождествляется с адом или с идеалом содомским. Россия — страна заводов, космодромов, научных центров — превратилась в страну супермаркетов, торгово-развлекательных центров, бесчисленных рынков, превратилась в большой Черкизон.

Я ехал по русским дорогам, и там, где когда-то колосилась пшеница, мёртвые поля зарастали борщевиком. Там, где прежде жили колхозные, совхозные усадьбы, теперь стояли страшные скелеты ферм, кланящиеся убитым комбайнам, тракторам, разорванным морозом, увешанные сосульками водонапорные башни. Это были картины Кандинского, живописные груды строительного мусора, полуманных балок, исковерканных циферблатов, остатков удивительных приборов. И всё это было залито радужным сверканием — так отливают перламутром тропные яды.

Есть особая эстетика распада: эстетика разорванного человеческого тела, эстетика взорванного храма, эстетика охваченной ядерным взрывом Хиросимы, эстетика гибнущей, падающей в преисподнюю души. Искусство Черкизона — это искусство падающей в преисподнюю души. Там, где прежде возвышался человек труда, герой, открыватель, мученик, праведник, там появился герой Черкизона — растленный, развращённый услугой гедонист, уводящий только себя, своё чрево, свой пах, свой примитивно-чувственный мир.

Черкизон пленял ослеплениями казино, сияющими, как самоцветы, игровыми автоматами, манил в ночные клубы, лодил проститутку, содомитов. Молодые пары, которые прежде могли бы конструировать космические корабли, летать на сверхскоростных истребителях, строить великие электростанции и грандиозные мосты через сибирские реки, теперь вооружились пистолетами, сбились